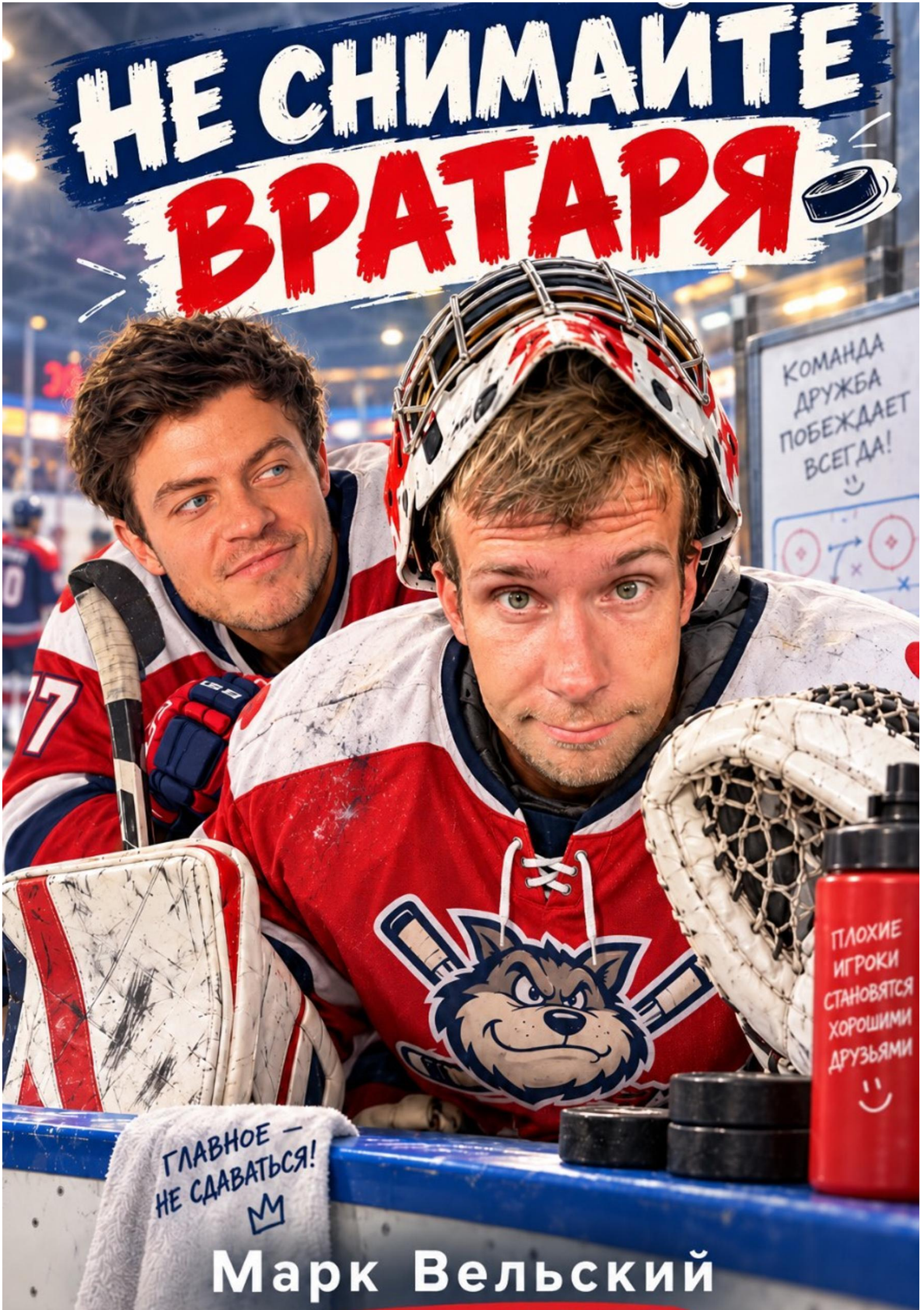
НЕ СНИМАЙТЕ ВРАТАРЯ

Марк Вельский

Марк Вельский

Не снимайте вратаря

«Автор»
2026

Вельский М.

Не снимайте вратаря / М. Вельский — «Автор», 2026

Продолжение комедийных приключений Серёжи Усманова и Артёма Миронова — героев романов «Не мешайте зарабатывать» и «Не ждите нас к полуночи».Казалось бы, после всего, что с ними произошло, пора наконец остепениться и пожить спокойно. Но спокойная жизнь — это явно не про этих двоих.На этот раз Артём находит себе новое увлечение. Безобидное, полезное для здоровья и совершенно не связанное с их предыдущими неприятностями. По крайней мере, он сам так считает.Но стоит Серёже узнать о затее друга, как обычное хобби начинает превращаться в приключение совершенно непредсказуемого масштаба.Впереди — нелепые ситуации, сомнительные идеи, неожиданные знакомства и множество поводов посмеяться. А главное — два старых друга, которые по-прежнему умеют превратить даже самое разумное решение в настоящую катастрофу.Два друга, одна несчастная хоккейная команда и огромное желание победить. Что может пойти не так?

© Вельский М., 2026
© Автор, 2026

Не снимайте вратаря

Глава 1. Ортопедическая кровать

В последний четверг сентября, сидя на кухне у Серёжи, Артём Миронов сообщил, что собирается заняться хоккеем. Он произнёс это так буднично, словно решил заменить фильтр для воды, и продолжил резать яблоко. Серёжа Усманов оторвался от телефона.

— Повтори.

— Я записался в любительскую команду.

— Куда?

— В хоккейную.

— С шайбой?

— Нет, Серый. С обязательным знанием французского.

Серёжа положил телефон экраном вниз. Обычно этот жест означал, что его заинтересовала новая идея. Артём знал и другое значение: сейчас начнётся допрос, после которого иногда приходится менять планы, а иногда — город.

— Ты в последний раз на коньках когда стоял?

— В университете.

— И как?

— Устоял.

— Все эти годы?

Артём вздохнул. У него перед носом стояла тарелка с яблоком, а за спиной возился Кабрик. Щенок, подобранный ими в новогоднюю ночь возле трассы, к осени превратился в длинноногого рыжеватого подростка с ушами, каждое из которых принимало самостоятельные решения. Пёс обожал яблочные огрызки, но терпеливо ждал, когда люди завершат бессмысленный разговор и вспомнят о главном.

— Я уже четыре недели тренируюсь, — сказал Артём.

Серёжа перестал улыбаться.

— Четыре недели? И ты молчал?

— Я хотел сперва понять, не передумаю ли.

— Ты передумал?

— Нет.

— Значит, успешно скрыл от меня целый месяц своей жизни.

— Одну тренировку по вторникам, одну по четвергам. Это не вся жизнь.

— Для тебя, может, и нет. А для меня это потерянная возможность купить тебе клюшку с автопилотом.

Артём открыл рот, чтобы возразить, но вовремя закрыл. Однажды разговор о дорожных подушках закончился у них настоящим бизнесом. В другой раз разговор о том, как успеть к новогоднему столу, — покупкой старой зелёной «Нивы» за три миллиона рублей. От некоторых предложений Серёжи стоило держаться подальше ещё до того, как они были сформулированы.

На холодильнике висела фотография с января: двое невыспавшихся мужчин, рыжий щенок и зелёная машина, которую фотограф старательно пытался не принимать в расчёт. Магнитола в «Ниве» по-прежнему работала исключительно по собственному настроению. Серёжа любил рассказывать, что купил не автомобиль, а воспоминание. Артём любил уточнять, что воспоминания обычно дешевле и не требуют ежегодного техосмотра.

— Я завтра приду посмотреть, — объявил Серёжа.

— Завтра нет тренировки.

— Тогда в четверг.

— Сегодня четверг.

— Тем более. Поедем.

— Не поедем. Тренировка закончилась час назад.

Серёжа посмотрел на часы, затем на друга.

— Тём, а ты точно в хоккейной команде? Не в какой-нибудь подпольной? У вас всё время что-то происходит без свидетелей.

Артём показал ему расписание на телефоне. Тренировки значились поздно вечером: лёд после детской спортивной школы и двух более обеспеченных любительских коллективов. В субботу предстоял матч. На экране рядом с названием клуба «Маяк» стояла цифра восемь — последнее место в таблице.

— Восемь из скольких? — спросил Серёжа.

— Из восьми.

— Хорошо. Значит, падать уже некуда.

— Я тоже так подумал.

— А потом?

— Потом выяснилось, что у нас отрицательная разница шайб.

Серёжа открыл таблицу. После трёх туров «Маяк» пропустил двадцать две шайбы и забросил две. Он увеличил экран, будто ожидал, что плохие цифры исчезнут от приближения.

— Это результаты тренировок?

— Матчей.

— А соперники знают, что вы любители?

— Знают.

Кабрик наконец решил, что человеческое терпение исчерпано, и положил голову Серёже на колено. Тот машинально погладил его между ушами.

— Слушай, Тём. А зачем тебе именно хоккей?

Вопрос прозвучал без обычного ехидства. Артём отодвинул тарелку. За окном моросил сентябрьский дождь, в комнате негромко гудел холодильник. Из рабочего чата «РЕШЕНО» не приходило ничего срочного. Их агентство, как ни странно, прекрасно работало даже тогда, когда оба основателя занимались яблоками и хоккеем.

— Потому что я десять лет собирался начать что-то, в чём ничего не понимаю, — сказал Артём. — Не ради результата. Просто чтобы приходить и учиться.

Серёжа посмотрел на него внимательнее.

— И как, нравится?

— Очень. Там у меня никто не спрашивает, сколько стоит проект, когда будет отчёт и почему система не отвечает ночью.

— А что спрашивают?

— Почему я опять стою не там.

— Как дома, в общем.

Они засмеялись. Артём доел яблоко и потянулся за курткой: Кабрику пора было гулять. Серёжа встал вместе с ним.

— В субботу я приду на матч.

— Тебя никто не приглашал.

— На хоккейных матчах зрителей вообще-то допускают.

— На наших бывает человек двенадцать.

— Значит, будет тринадцать.

— Только обещай не кричать подсказки.

— Не буду.

— И никого не спонсировать.

Серёжа придержал для пса дверь.

— Вот теперь ты начинаешь ограничивать мою гражданскую свободу.

В тот вечер Артём отправил Варе голосовое сообщение. С января они виделись не так часто, как хотелось: её смены в больнице, его дела, расстояние между городами. Но успели привыкнуть к тому, что хорошие и плохие новости принято рассказывать друг другу. «Серёжа узнал про хоккей, — сказал Артём. — Боюсь, в субботу нам понадобится дополнительная охрана». Варя ответила спустя несколько минут: «Охрану не обещаю. Но если он выведет тебя из себя, помни: лёд прикладывают через ткань».

Артём улыбнулся, сохранил сообщение и вернулся к сумке. Он проверил шнурки, ключи и пропуск, хотя в субботу шёл не сдавать экзамен, а всего лишь играть. На всякий случай проверил ещё раз. Из коридора донёсся голос Серёжи: «Тём, а на трибунах можно есть?» Артём закрыл сумку. Экзамен, похоже, начался заранее.

В субботу Серёжа приехал на арену за двадцать минут до начала матча и сначала решил, что перепутал адрес. Здание называлось «Ледовая арена „Олимп“», но от олимпийского в нём были только пять колец, выцветших на плакате над кассой. В холле пахло кофе из автомата, влажными куртками и резиной. У двери в раздевалки стоял мужчина с хоккейной сумкой, на которой висела бирка аэропорта десятилетней давности.

— «Маяк» здесь? — спросил Серёжа.

— Здесь, — сказал мужчина. — А вы кто?

— Болельщик.

Мужчина посмотрел по сторонам, будто проверял, не скрывается ли за новым посетителем группа поддержки.

— Тогда проходите. Только осторожно, у нас сегодня праздник.

— Какой?

— Пока никто не заболел.

Он ушёл, оставив Серёжу с весьма умеренными ожиданиями.

На трибуне сидели две женщины с термосом, подросток в наушниках и пожилой мужчина, который сразу начал объяснять Серёже правила. Через десять минут выяснилось, что мужчина болел за соперников. Через пятнадцать — что объяснял он правила не всегда верно, зато с исключительной убеждённостью.

«Маяк» вышел на разминку в тёмно-синих свитерах разного возраста. На одном логотип был свежим и ярким, на другом едва держался по краям. Номера отличались: на одних свитерах аккуратные, на других кривоватые, будто их клеили уже в раздевалке. Серёжа заметил Артёма под номером семнадцать: друг двигался осторожно, но уже уверенно держался на коньках и старался не смотреть на трибуну.

А в воротах стоял высокий, чуть сутулый мужчина в потёртой маске. Он почти не двигался — только изредка переставлял коньки и отбивал шайбу в сторону борта. Серёже показалось, что вратарь экономит не силы, а движения.

— Наш Петрович, — сказала женщина с термосом, заметив его взгляд. — Ему пятьдесят семь.

— Сколько?

— Пятьдесят семь. Слух у него хороший, не сомневайтесь.

— А реакция?

— На глупости быстрая. На шайбы как получится.

Матч начался с того, что «Маяк» выиграл вбрасывание. Для Серёжи это выглядело обнадёживающе. Через одиннадцать секунд шайба оказалась в воротах «Маяка».

На скамейке запасных тренер Николай Семёнович Климов произнёс несколько коротких слов, ни одно из которых Серёжа не расслышал за стеклом. Зато разглядел жест: тренер двумя руками показал защитникам, что перед воротами существует пространство, которое принято охранять.

Капитан команды, Валера Капустин, умудрялся спорить с тренером даже между сменами. Валера был широкоплечим владельцем небольшого магазина автозапчастей, играл в хоккей двадцать лет и считал это достаточным основанием, чтобы знать обо всём лучше окружающих. Тренер был пенсионером, когда-то работавшим с подростковой секцией, и считал двадцать лет плохого хоккея не аргументом, а проблемой.

У «Маяка» имелся нападающий Денис Ларионов по прозвищу Тамада. Прозвище он получил не за манеру праздновать голы, а по профессии: Денис вёл свадьбы и юбилеи. На первой же смене он убежал в атаку, показал изящный финт и упал, зацепившись за собственную клюшку. Когда через несколько минут ему удалось сделать хороший бросок, зрители радостно зааплодировали. Шайба ударилась в защитника и улетела к центральной линии.

— Характер есть, — сказал Серёжа.

— Характер — не проблема, — ответила соседка. — Координация подводит.

Защитник Миша Анохин, которому остальные кричали «Отдай!», упорно вёл шайбу вдоль борта. Дважды он выбрался из своей зоны, ни разу не отдал передачу и один раз потерял равновесие, потому что одновременно смотрел на соперника и пытался поднять голову к судье.

— А этот почему никому не пасует? — спросил Серёжа.

— В прошлом сезоне отдал. Наши потеряли. Он до сих пор не простил.

Серёжа решил, что над ним шутят. К концу первого периода понял, что нет.

Петрович пропустил ещё две шайбы, но несколько раз спас команду так, что даже соперники хлопнули клюшками по льду. За минуту до перерыва он вытянул ловушку в угол ворот, поймал бросок и остался сидеть в шпагате чуть дольше, чем было необходимо. Артём подъехал к нему, наклонился, что-то спросил. Петрович сказал одно слово. Артём кивнул и откатился.

После второго периода счёт был 0:5. Артём провёл на льду четыре короткие смены, один раз заблокировал передачу и получил замечание от капитана за то, что слишком рано ушёл меняться. Трибуна постепенно опустела: женщины с термосом ушли на работу, подросток — на занятия. Остался Серёжа и тот самый пожилой знаток правил.

— Они вообще когда-нибудь выигрывают? — спросил Серёжа.

— Три раза за два сезона. Я все три видел, — с достоинством сказал сосед. — Один раз соперники не приехали полным составом.

К финальной сирене табло показывало 1:7. Единственную шайбу «Маяк» забросил за сорок секунд до конца, когда Денис подобрал отскочившую шайбу и отправил её в свободный угол. Он вскинул руки, как на свадьбе после объявления первого танца. Товарищи поздравили его с такой искренностью, словно отыгрались с 0:6 в финале чемпионата мира.

Серёжа ждал обвинений в адрес защитников и тренера. Но хоккеисты после разгрома поздравляли Дениса с единственным голом и спорили, кто пойдёт покупать чай.

У выхода из раздевалки Серёжу остановил Климов. На нём была старая куртка с нашивкой «Тренер» и лицо человека, который давно перестал верить в случайное улучшение погоды.

— Вы к Артёму?

— Да. Серёжа.

— Николай Семёнович. Говорят, вы его друг.

— Это пока он меня не попросил о чём-нибудь серьёзном.

Тренер усмехнулся и посмотрел на расписание, приклеенное к стене. Бумага отклеивалась снизу. Возле ближайших тренировок стояли карандашные вопросительные знаки.

— А почему вопросики? — спросил Серёжа.

— Потому что каток работает за деньги. У нас задолженность за две тренировки, и со следующей недели директор хочет предоплату. Игроки скидываются, кто сколько может. Не хватает.

— Сколько?

Климов назвал сумму накопившегося долга, затем стоимость часа льда. Серёжа ожидал услышать что-нибудь чудовищное. Но цифры были такими, на которые в их агентстве иногда покупали технику для одного проекта.

В коридор вышел Артём, неся сумку, будто внутри лежали не коньки, а разобранный холодильник.

— Серый, даже не думай, — сказал он, уловив направление взгляда друга.

— Я ничего не сказал.

— У тебя лицо человека, который собирается что-то оплатить.

— Это просто доброе лицо.

Климов стоял между ними и наблюдал за разговором с осторожной надеждой.

— Слушайте, — сказал Серёжа. — Если проблема только в аренде, давайте я помогу.

— Серый.

— Не тебе одному заниматься благотворительностью своим здоровьем. Я тоже хочу поучаствовать.

— Нам нужен не благотворитель, — вмешался Капустин, появившийся из раздевалки. — Нам нужны люди, которые будут выходить и бороться.

— А одно другому мешает? — спросил Серёжа.

— Если за нас всё заплатят, некоторым совсем захочется ничего не делать.

— Валера, — устало сказал тренер, — ты сейчас и так ничего не делаешь, кроме как ругаешься.

Артём поставил сумку на пол.

— Стоп. Давайте без обещаний. Нужны документы, график аренды и понимание, кто отвечает за деньги.

— Конечно, — согласился Серёжа. — Всё официально.

В этот момент из раздевалки вышел Петрович. Без маски он выглядел моложе, чем ожидал Серёжа: седые волосы, крепкая шея, спокойные серые глаза. Он молча обошёл спорщиков, поставил у стены вратарскую сумку и спросил:

— Чего кричим?

— Спонсор нашёлся, — сказал Денис.

— Спонсор — это хорошо. А голы кто забивать будет?

— Мы, — немедленно ответил Серёжа.

Петрович оглядел его пальто, ботинки и руки без мозолей от клюшки.

— Вы точно за нас?

— За вас. Более того, — Серёжа посмотрел на обступивших его игроков, — я уверен, вы ещё в плей-офф выйдете.

Коридор затих. Где-то за стеной щёлкнул автомат с кофе. Валера посмотрел на тренера, тренер — на Артёма, Артём — в потолок.

— Серый, — произнёс Артём, — у нас ноль очков после четырёх туров.

— Значит, пора набирать.

— У нас три победы за два года.

— Пора четвёртую.

Петрович поднял сумку.

— Ну, коли так, — сказал он, — предупредите, когда начнём. Мне завтра на даче крышу крыть.

Петрович ушёл, а Серёжа остался у методического кабинета с телефоном в руке. Никто не попросил у него визитку, не предложил сфотографироваться и не спросил, какой процент прибыли он рассчитывает получить. Капустин лишь остановился у двери: «На следующей неделе собрание. Не опаздывайте». Серёжа открыл календарь. Под записью «Спасти хоккей» он добавил напоминание: «Уточнить, что именно надо спасать».

Глава 2. Триста тысяч за лёд

В понедельник Серёжа вышел на стоянку возле своей многоэтажки и обнаружил, что на старой зелёной «Ниве» скопился слой пыли, достаточный для написания короткого завещания. На капоте кто-то пальцем вывел «ПОМОЙ». Судя по высоте букв, это был Артём. Серёжа открыл водительскую дверь, сел за руль и на некоторое время замолчал.

Он помнил не столько саму покупку, сколько то, что было после. Закрытый мост. Огни гостиницы за рекой. Кабрик, которого нашли у обочины. Январское утро, когда они не торопились никуда и всё равно успели туда, где оказались нужны. «Нива» была ужасной покупкой. Признать покупку неудачной Серёжа сумел ещё в феврале. Но плохой она была только на бумаге.

Телефон завибрировал. Артём прислал сообщение: «Ты обещал ничего не переводить до просмотра документов».

«Я и не перевожу», — ответил Серёжа.

«Где ты?»

«В музее».

«В каком?»

«В отделе дорогостоящих ошибок».

Через минуту позвонил Артём.

— Только скажи, что ты не собираешься продавать машину.

— Собираюсь.

— Серый, ты понимаешь, что деньги, которые мы за неё отдали, не вернуть?

— Понимаю. Поэтому я и хочу, чтобы они хоть раз пошли на хорошее дело.

— Это разные деньги.

— Для моего настроения — одни и те же.

Артём помолчал.

— Мы можем помочь клубу и без продажи.

— Можем. Но тогда «Нива» останется стоять под окнами и напоминать, как мы за три миллиона купили магнитолу с машиной в подарок.

— Она напоминала об этом только тебе. Я старался забыть.

Серёжа улыбнулся. Они договорились, что сначала проверят платежи клуба и стоимость содержания льда, а потом он будет решать, что продавать и за сколько. Для Артёма это звучало разумно. Для Серёжи — как разрешение начать с объявления.

В тот же день на сайте объявлений появилось: «Нива. Исправная. История уникальная. Цена 3 000 000. Торг у капота». Из фотографий одна показывала автомобиль снаружи, вторая — панель с кассетной магнитолой, третья — Кабрика на пассажирском сиденье. Через десять минут объявление получило первый отклик: «А собака входит?» Серёжа ответил: «Собака дороже».

Второй потенциальный покупатель предложил обменять «Ниву» на лодочный мотор и пять мотокос. Третий спросил, не поставлен ли случайно лишний ноль. Четвёртый написал: «А что в ней за три миллиона?» Серёжа начал отвечать и понял, что историю о новогоднем путешествии придётся рассказывать минут двадцать, причём не всё в ней будет понятно человеку, который не видел Артёма в костюме Снегурочки.

После обеда он изменил цену. Сначала на два миллиона, затем на миллион двести. Телефон ненадолго оживился, но большинство звонивших хотели узнать, почему машина такая дорогая. К вечеру Серёжа впервые открыл похожие объявления и долго изучал их молча. Он позвонил Артёму.

— Тём, а что, у нас действительно такая обычная «Нива»?

— Я тебе это говорил у моста.

— Там было темно. Я думал, ты преувеличиваешь.

— Она даже зимой плохо заводилась.

— Зато завелась, когда требовалось.

— Серый, цена автомобиля определяется не количеством душевных разговоров в салоне.

— Жаль. Была бы самая дорогая на рынке.

Объявление вернулось в разумный диапазон. К концу недели после двух осмотров и одного покупателя, который приехал только послушать кассету, появился Геннадий — спокойный механик в выцветшей синей куртке. Он осмотрел кузов, поднял капот, проверил документы, сделал пробный круг по соседним улицам и не произнёс ни одной восторженной фразы.

— Хорошая живая машина, — сказал наконец Геннадий. — Но цена у вас сначала была как за квартиру.

— Вы видели старое объявление?

— У меня весь гараж его видел. Мы спорили, золото у вас в порогах или в баке.

— И что решили?

— Что владелец с фантазией.

Геннадий предложил двести восемьдесят тысяч. Серёжа попросил триста двадцать. Они поговорили о шинах, о старой краске на крыле и о том, что пассажирская дверь иногда требовала решительности. Сошлись на трёхстах тысячах — после проверки истории и оформления сделки. Расчёт провели через банк, документы подписали без спешки. Артём приехал специально: не для контроля, как он утверждал, а потому, что хорошо помнил, чем заканчивались некоторые самостоятельные покупки Серёжи.

Когда Геннадий сел за руль, Серёжа постучал в окно.

— Там магнитола. Она иногда сама включается.

— Починю.

— Не надо, — неожиданно быстро сказал Серёжа. — То есть дело ваше. Просто она так всегда работала.

Геннадий кивнул. Машина завелась с первого раза и медленно выехала со стоянки. Сзади на стекле ещё оставался едва заметный след от наклейки, которую Серёжа так и не снял после январского путешествия.

— Ну что, — сказал Артём, когда зелёный кузов исчез за поворотом. — Грустно?

— Нет.

— Точно?

— Просто неожиданно пусто на парковке.

Артём не стал спорить. Только напомнил о двух запасных щётках для снега, которые Серёжа держал в прихожей. Серёжа посмотрел на него так, что вопрос пришлось немедленно снять с обсуждения.

Возле подъезда Кабрик долго обнюхивал место, где обычно стояла «Нива», потом вернулся к друзьям с выражением человека, обнаружившего серьёзную недостачу в семейном бюджете. Серёжа присел на низкий бордюр у стоянки и позволил псу положить голову ему на колено.

— Продал твою первую машину, дружище, — сказал он. — Не сердись.

— Не его, — поправил Артём. — Он её даже не водил.

— Зато в ней спал лучше нас обоих.

В следующий понедельник Серёжа пришёл к Климову с банковской выпиской, расчётом задолженности и предложением оплатить ближайший блок тренировок. Он был готов к рукопожатию и даже мысленно придумал ответную благодарственную речь. Но тренер не спешил брать бумаги.

— Вот что, Сергей, — сказал Николай Семёнович. — Прежде чем платить, вы должны кое-что увидеть.

— Что именно?

— Наше собрание. Сегодня вечером. Всей командой.

— Это обязательно?

— Если хотите помогать — обязательно. И денег пока никому не переводите.

Серёжа посмотрел на Артёма. Тот едва заметно улыбнулся: тренер опередил его с привычным предупреждением.

Собрание «Маяка» проходило в комнате, над дверью которой висела табличка «Методический кабинет». Пять пластиковых стульев, шкаф с детскими кубками и белая доска были рассчитаны на учителей физкультуры, а не на пятнадцать взрослых хоккеистов. Кто-то стоял у окна, кто-то сел на пол, Денис Ларионов по привычке занял место возле выключателя и объявил, что технический свет готов.

— Не начинай, — попросил его капитан.

— Я ничего не начинаю. На свадьбах за освещение отдельно платят.

Николай Семёнович вошёл последним, положил на стол толстую папку и представил Серёжу как человека, готового помочь с арендой. Никто не захлопал. Петрович, сидевший на подоконнике, внимательно посмотрел на Серёжу и продолжил завязывать шнурок на ботинке.

— У меня два вопроса, — начал Капустин. — Первый: за что? Второй: чего он потом с нас потребует?

— Можно сначала хотя бы поздороваться? — спросил Серёжа.

— Можно. Здравствуйте. За что?

— За лёд. Вам надо играть, а аренда заканчивается. Я могу оплатить.

— Не бывает, чтобы просто так, — сказал защитник Миша Анохин. — В прошлый раз нам форму подарили, а потом заставили три часа стоять на открытии шиномонтажа.

— Зато форму подарили, — заметил Денис.

— На ней было написано «Сцепление для всех». Я в ней два года на работу ходил, люди вопросы задавали.

Серёжа улыбнулся и осёкся. Миша поправлял треснувшую ручку хоккейной сумки; Саша то и дело поглядывал на телефон — ждал звонка со смены. Денис доел принесённый из дома бутерброд и аккуратно свернул фольгу. Вряд ли эти люди согласились бы поменять любимые вечера на обязанность отчитываться перед новым начальником, даже если начальник оплатил лёд.

— У меня нет условий по составу, — сказал Серёжа. — И логотип менять не собираюсь. Я хочу, чтобы вы закончили сезон.

— А плей-офф? — спросил Капустин.

— Это цель.

— Вчера была аренда, сегодня уже цель. Завтра будем на работу под расписку ходить?

— Валера, — вмешался Артём, — никто не собирается покупать людей. Деньги пойдут арене напрямую, по договору. И никто не обязан расплачиваться голами. Я проверил предварительный счёт.

— А ты у нас кто теперь? — спросил Анохин. — Игрок или бухгалтер?

— Сегодня бухгалтер, в субботу игрок. Если выпустят.

Это развеселило сидевших у стены. Артём за четыре недели успел стать человеком, которого поддевали без злобы. Он всегда приезжал за полчаса, подписывал медицинские бумаги вовремя и удивительно серьёзно относился к любому замечанию тренера, даже если то сводилось к простому «не лезь туда, где тебя снесут».

Зоя Павловна, отвечавшая за взносы и расписание, разложила бумаги на столе. Она работала администратором в бассейне и имела редкую способность пресекать спор одним поднятием брови. У неё лежала тетрадь с расходами, которую она давала смотреть всем желающим.

— Сейчас слушают цифры, — сказала она. — Два неоплаченных занятия — тридцать тысяч. Шестнадцать ближайших часовых тренировок по пятнадцать тысяч — двести сорок.

Это первый блок льда, а не абонемент до весны: потом аренду придётся продлевать за счёт регулярных взносов. Ещё восемнадцать тысяч — медобслуживание, документы и хозяйственные мелочи. Итого двести восемьдесят восемь тысяч. Если старый долг не закрыть до пятницы, свободные часы отдадут другой группе.

— А матчи? — спросил Серёжа.

— За участие в турнире мы заплатили при заявке, — пояснила Зоя Павловна. — Матчи по календарю этим покрыты. Не хватает на тренировки и текущие расходы. Остальные часы будем оплачивать отдельно, если игроки потянут.

Артём сверил цифры с таблицей. Совпало. Он испытывал почти физическое облегчение, когда кто-то, кроме него, вёл учёт нормально.

— Триста тысяч, — сказал Серёжа. — Столько я выручил за машину. Двести восемьдесят восемь могу направить сейчас, оставшиеся двенадцать тысяч будут резервом — и только если команда согласует расходы.

— За машину? — переспросил Денис. — Ты продал машину, чтобы мы катались?

— Да.

— Сколько она стоила?

— Три миллиона.

В кабинете стало тихо. Валера привстал со стула.

— И ты её за триста продал?

— Именно.

— Это ты какой спорт спонсируешь? Хоккей или собственное разорение?

— Не мешайте человеку, — сухо заметил Петрович. — Он хотя бы обещает нам лёд, а не шесть шайб в чужие ворота. Лёд проверить проще.

Денис засмеялся первым. Затем засмеялись остальные, даже Капустин. Серёжа остался серьёзен.

— Машину я продал по рыночной цене. А купил когда-то по цене новогоднего отчаяния. Это два разных события.

— Хорошая формулировка, — заметил Артём. — Можно на доске объявлений у подъезда повесить вместо объявления о продаже.

Спор затянулся ещё на сорок минут. Одни требовали оставить взносы, чтобы никто не расслаблялся. Другие считали нечестным, если игроки с небольшими доходами будут продолжать платить одинаково. Зоя Павловна предложила разделить расходы: аренду закрыть целевым платежом, личную экипировку каждый обеспечивает сам, а текущие клубные взносы не отменять — из них ещё придётся оплачивать вратарей и дорогу, а после первого блока — снова аренду льда. Кто-то предложил вернуть Серёже деньги, когда команда разбогатеет. В ответ все дружно засмеялись, и это был первый момент настоящего согласия.

Проголосовали открыто. Против был только Миша Анохин. Он не стал объяснять причину и, поймав вопросительный взгляд Серёжи, сказал:

— Я не люблю, когда нас спасают. После спасения обычно начинают учить, как жить.

Капустин буркнул что-то про дисциплину, но руку «за» поднял. Климов поставил рядом со стулом сумку и впервые за всё собрание сел.

— Тогда о спорте, — сказал Артём. — Я изучил регламент и результаты.

— Господи, — выдохнул Денис.

— У нас восемь команд. После четырёх туров мы последние, но до конца регулярного чемпионата остаётся десять игр. В плей-офф выходят четыре лучших. Математически шанс ещё есть.

— Математически у меня есть шанс жениться на чемпионке мира по фигурному катанию, — сказал Капустин. — Но жена не оценит.

— Вот потому я пока и говорю о математике.

— А новичков можно дозаявить? — спросил Серёжа. — Я знаю людей, которые раньше играли.

Артём повернул к нему распечатку.

— Состав на эту часть турнира закрыт. После указанной в регламенте даты новые игроки заявляться не могут. Переводы из других команд тоже. У нас есть только те, кто сейчас в списке. И я, кстати, заявлен ещё в августе, до закрытия окна. Не надо на меня смотреть.

— Это я посмотрел с гордостью, — сказал Серёжа.

— Не надо так гордиться. Я пока в протоколе обычно провожу больше времени, чем на льду.

После собрания Серёжа остался один у доски. На ней кто-то до их прихода нарисовал смешного пингвина с клюшкой. Под пингвином было написано: «Держи позицию». Серёжа посмотрел на рисунок, потом на бумагу с итоговым голосованием.

— Знаешь, — сказал он Артёму, — я думал, они будут счастливы.

— Они рады. Просто ты пришёл в чужую команду и сразу решил, что знаешь, что ей нужно.

— Я оплатил лед.

— Пока ещё нет. И это не даёт тебе права решать за них.

Серёжа провёл рукой по затылку. Такое раньше говорили ему клиенты, когда он пытался улучшить за них собственный заказ. Вспоминать об этом Серёже было неприятно, особенно когда клиент оказывался прав.

— Хорошо, — сказал он. — Будем учиться.

Артём посмотрел на него с подозрением.

— Чему именно?

— Хоккею. Сначала я.

— Не надо.

— Поздно. Я уже договорился о прокате коньков.

У самой двери Зоя Павловна перехватила Артёма и Серёжу.

— Есть ещё одна касса, — сказала она. — Раз уж взялись за бухгалтерию, не уходите раньше времени.

— Я думал, мы всё закрыли, — насторожился Серёжа.

— Лёд закрыли. А вратарей кто будет оплачивать?

Серёжа посмотрел на неё, потом в сторону Петровича.

— В каком смысле — оплачивать? Он же свой.

— Свой. Поэтому и приезжает. Вратарям платят две тысячи за тренировку или игру, даже плохим: голкиперов мало. Без них нам остаётся бросать в куртку на перекладине.

— Даже плохому? — переспросил Серёжа.

— Даже плохому. Только ты при нём так не говори.

— Петрович хороший, — сказал Артём.

— Петрович отличный, — возразила Зоя. — Кирилл иногда выручает, ему тоже платим две. Это не покупка игроков: вратари получают за время и дорогу, а полевые платят взносы. Чужих игроков выкупать никто не будет.

Артём достал телефон.

— Это не те восемнадцать тысяч, которые мы заложили?

— Нет. Те восемнадцать тысяч — медобслуживание, документы и хозяйственные расходы. Вратарям платим из взносов, отдельно от Серёжиных денег на лёд. Один пришёл — две тысячи, двое — четыре. Из-за выплат уже дважды ругались. В августе Капустин даже хотел поставить в ворота манекен из своего магазина.

— Манекен не пожалуется, — сказал Серёжа.

— У него колени не гнутся, — ответила Зоя Павловна. — Почти как у нашего капитана.

Артём молча считал. Серёжа знал это лицо: так начинались и их агентство, и тот новогодний объезд на двести километров.

— Тём, не надо, — сказал он.

— Я ещё ничего не предложил.

— Ты уже считаешь меня человеком, который может за что-то доплатить своим здоровьем.

— Я пока считаю вратарей.

— Ты хочешь сказать, что их выгодно производить самостоятельно?

Артём задумался.

— Это первая твоя идея за сегодняшний вечер, которую я не хочу проверять.

Зоя Павловна положила ведомость в папку.

— Только не придумайте сделать из нас корпорацию. Мужики приходят сюда выдохнуть. И так полжизни подписывают бумаги.

Серёжа поднял руки, признавая поражение. Выйдя на улицу, он оглянулся на аренную вывеску и сказал:

— Триста тысяч от продажи «Нивы», почти всё — на лёд. И две тысячи за человека, который его охраняет. Тём, мы с тобой основали агентство не в той отрасли.

— Серый, если ты сейчас решишь открыть кадровый сервис голкиперов, я лично удалю у тебя приложение объявлений.

— А что, спрос есть.

— Есть. Осталось научиться стоять на коньках.

Глава 3. Сорок секунд славы

В четверг после работы Артём приехал на арену раньше всех. Дворник ещё убирал у входа мокрые листья, в коридоре слышался детский смех: закончилась тренировка младшей группы. На бортике лежала забытая варежка в виде голубой рыбы. Артём поднял её, отнёс администратору и только потом прошёл к раздевалке «Маяка».

Дверь была приоткрыта. Внутри сидел Миша Анохин и чинил шнуровку на коньке тонкой проволокой.

— Есть новая пара, если надо, — сказал Артём.

— Есть много чего нового. Старое ещё походит.

Артём сел рядом, начал развязывать сумку. Разговор не клеился. Он вспомнил, как Миша единственный голосовал против помощи, и решил не заводить эту тему.

— Почему ты правда не пасуешь? — спросил он вместо этого.

Анохин дёрнул проволоку так сильно, что она выскочила из отверстия.

— Пасую.

— Я четыре игры видел. Ты два раза отдавал поперёк своей зоны. Оба раза, когда рядом не было соперников.

— Считаешь?

— По привычке.

Миша посмотрел на него без симпатии.

— Год назад мы вели один-ноль. Последняя минута. Я дал передачу Валере — он поехал вперёд, её перехватили. Сравняли. Потом проиграли по буллитам. Валера три недели всем говорил, что я испортил матч.

— Но передачу перехватили у Валеры?

— Не имеет значения. Я отдал. Значит, виноват.

Артём хотел сказать что-нибудь логичное — например, что для анализа эпизода нужны видео, положение игроков и скорость движения шайбы. Но Миша уже вернулся к шнурку. Артём промолчал. Он начинал понимать, что некоторые ошибки здесь записаны не в статистике, а в памяти.

Петрович появился с вратарской сумкой и термосом. Он поздоровался, проверил, не течёт ли батарея возле стены, и принялся наклеивать на рукоять клюшки новую ленту. Серёжа, пришедший вслед за ним с двумя пакетами одноразовых стаканчиков, с порога объявил:

— Хорошие новости. Теперь у нас есть чай.

— У нас и раньше был, — ответил Денис. — Ты принёс стаканы.

— Именно. Сервис развивается поэтапно.

Климов забрал у Серёжи распечатку договора и кивнул Зое Павловне, которая уже получила подтверждение оплаты ледового времени. Долг закрыли отдельным платежом. Арену на ближайшие недели закрепили за «Маяком». Договор был скучным, и это в нём особенно нравилось Артёму.

Тренировка началась с простого упражнения: выход из своей зоны через короткую передачу защитнику и дальше вдоль борта. На него отвели пять минут. Через пятнадцать оно попрежнему удавалось лишь после подсказок Климова.

— Миша! — крикнул Климов. — Отдай шайбу!

— Там соперник!

— Это Денис!

— Тем более!

Денис обиделся, но не слишком: через секунду он сам потерял шайбу на ровном месте. Артём выехал на следующую смену, получил пас и немедленно остановился. Ему хотелось сделать всё правильно — посмотреть по сторонам, оценить позиции, выбрать вариант. Пока он выбирал, шайба уехала из-под клюшки.

— Миронов! — крикнул тренер. — Думать будешь в душе! Здесь двигайся!

За бортом стоял Серёжа и записывал что-то в блокнот. Артём представил, какие схемы сейчас появятся в агентстве «РЕШЕНО», и почувствовал усталость задолго до конца тренировки.

На перерыве Климов подозвал всех к доске. Нарисовал три кружка и одну стрелку.

— Отдал — открылся. Не идите друг за другом, не стойте перед нашим вратарём, не спорьте с судьёй. На сегодня хватит.

— У меня есть вариант, — сказал Артём, снимая шлем. — Если разделить выходы на три типовых маршрута, можно снизить число потерь.

— Есть вариант, — согласился Климов. — Попробуй сначала не терять шайбу сам.

Слова были резкими, но сказаны без злобы. Артём почувствовал, как краснеют уши. Он не любил, когда его публично поправляли, особенно в присутствии Серёжи. На доске всё получалось с первого раза. На льду ему только что показали обратное.

После занятия раздевалка постепенно пустела. Денис мчался вести банкет, даже не досушив волосы. Левый нападающий Саша Громов собирался на ночную смену в приёмном отделении больницы. Миша задержался из-за звонка жены: их младшая дочь не могла найти дома тетрадь по географии. Петрович аккуратно развешивал защиту, которую остальные давно бы швырнули в сумку.

Серёжа подошёл к Саше.

— Ты после тренировки на работу?

— В ночь. С восьми до восьми.

— И так каждый четверг?

— Через неделю. В другие дни тоже бывает. Зато в субботу постараюсь выйти.

— Тебе не тяжело?

Саша посмотрел на него, не понимая вопроса.

— Тяжело в двенадцать часов стоять в отделении. Здесь полегче. Здесь хоть знаешь, что с тебя требуют.

Он улыбнулся и ушёл. Серёжа остался у пустеющей скамейки. Ещё недавно он собирался заказать всем одинаковые спортивные часы, чтобы отслеживать нагрузку. Теперь представил, как Саша после двенадцатичасовой смены получает уведомление: «Вы сегодня недостаточно активны». Заказывать часы расхотелось.

Артём вышел последним. Он устал так, будто работал весь день не с таблицами, а с тяжёлыми коробками.

— Я видел твой блокнот, — сказал он.

— Это не блокнот. Это список того, что не надо делать.

— Что там?

Серёжа показал первую страницу. На ней было написано: «НЕ КУПИТЬ НИКОМУ ЧАСЫ».

— А вторая?

— «НЕ СОВЕТОВАТЬ, ПОКА НЕ ПОПРОСЯТ».

Артём удивлённо поднял брови.

— Это ты сам написал?

— Сам. Но уже не уверен, что выполню.

— Почему?

— Потому что завтра я пойду кататься. И очень боюсь, что захочу посоветовать что-нибудь льду.

На массовом катании Серёжа появился в чёрных джинсах, толстовке и прокатных коньках, которые были подозрительно похожи на обувь человека с двумя левыми ногами. Артём предусмотрительно приехал с ним. Климов, узнав об этой затее, дал короткую инструкцию: надеть шлем, не изображать хоккей, держаться у борта и не хватать соседей при падении.

— Я в детстве катался, — сказал Серёжа, затягивая шнурки.

— На чём?

— На коньках.

— Один раз?

— Достаточно, чтобы запомнить принцип.

— Принцип чего?

— Скользишь — радуешься.

Первые пять шагов по резиновому покрытию прошли удачно. Затем Серёжа вышел на лёд и понял, что резина, оказывается, была важной частью его спортивной уверенности. Коньки разъехались в стороны. Артём успел подать руку, но Серёжа отказался от помощи: рядом катались дети, и свидетели могли неправильно понять происходящее.

Он оттолкнулся от борта. Две секунды стоял почти прямо, ещё пять ехал в непонятном направлении, затем вдруг ускорился. Впереди оказалась девочка лет восьми. Серёжа попытался её объехать, обнаружил, что не умеет поворачивать, и выбрал единственную безопасную возможность — упасть до встречи. Он приземлился на бок, не задев никого, и скользнул к борту.

Артём подъехал и остановился рядом.

— Всё нормально?

— Да.

— Больно?

— Нет.

— Вставать будешь?

— Через минуту. Я изучаю покрытие.

— Серый, это лёд.

— Заметил. Тём, теперь я понимаю, почему хоккеистам столько платят.

— У нас никому не платят.

— Тем более. Это ужасно скользкая профессия.

Артём помог ему подняться. Серёжа сделал ещё круг, уже держась ближе к борту, и к концу получаса научился останавливаться без участия архитектуры. Маленькая девочка, которую он старательно избегал в начале, проехала мимо спиной вперёд и вежливо спросила, не нужна ли ему помощь.

— Спасибо, я с тренером, — сказал Серёжа, кивнув на Артёма.

— Он вас плохо учит, — честно заметила девочка и укатила.

Позднее в кафе арены Серёжа попытался объяснить, что первый опыт прошёл лучше ожидаемого. Артём выслушал его и положил перед ним салфетку со списком из трёх пунктов: «Не упал на ребёнка. Не сломал коньки. Не предложил купить каток».

— Это твои ожидания? — спросил Серёжа.

— Самые оптимистичные.

В субботу у «Маяка» был пятый матч сезона. Соперник, «Сокол», занимал четвёртое место и уже рассчитывал попасть в плей-офф. На трибунах появились новые зрители: Серёжа разослал знакомым расписание и обещал не проводить после игры собраний. Пришли восемь человек, среди них две сотрудницы «РЕШЕНО» с бумажным плакатом «МАЯК, СВЕТИ». Капустин увидел плакат и сначала обиделся: он считал, что команда должна заслужить внимание победами. Петрович взглянул на трибуну и тихо сказал:

— Пусть стоят. Я десять лет играю при выключенном свете.

«Сокол» забил первым, на пятой минуте. «Маяк» не рассыпался. Климов заранее попросил игроков не спешить возвращать гол любой ценой. Артём вышел во второй тройке, получил шайбу в своей зоне и на этот раз не стал обдумывать весь мир. Отдал короткий пас Мише. Тот удивился так сильно, что едва не потерял шайбу, но успел перевести её к борту.

— Вот! — заорал Климов. — Вот так!

— Видал? — сказал Серёжа соседу по трибуне.

— Видал. А кто это был?

— Тём.

— Он что, профессионал?

— Системный аналитик.

— А, — сказал сосед. — Тогда понятно.

На одиннадцатой минуте Денис подставил клюшку под бросок Саши. Шайба угодила Денису в конёк и отскочила в сетку. Судья внимательно посмотрел на эпизод, затем указал на центр: Денис не делал намеренного движения ногой. «Маяк» закончил период вничью — 1:1. Игроки на скамейке хлопали друг друга по плечам, будто только что выиграли решающий матч.

Во втором периоде всё пошло хуже. У Саши Громова свело ногу после ночной смены, его смены сократили. Миша снова перестал отдавать передачи. Капустин, разозлившись, получил две минуты за задержку соперника клюшкой. «Сокол» реализовал большинство, затем забил ещё раз на контратаке.

К третьему периоду «Маяк» уступал 1:3. Климов не кричал. Он говорил коротко: «Не деритесь друг с другом. Играйте до конца». Петрович несколько раз спас после выходов один на один, а за четыре минуты до сирены Артём увидел, как Денис оказался один у дальней штанги. Он успел отдать неудобную, но точную передачу. Денис забросил — 2:3.

На трибуне Серёжа так резко вскочил, что опрокинул стаканчик с чаем. Сосед похлопал его по спине, и оба на секунду поверили, что сейчас всё изменится.

За минуту до конца тренер посмотрел на Петровича, потом на табло. Серёжа уже знал по телевизору, что проигрывающая команда может снять вратаря и выпустить шестого полевого игрока.

— Давай! — крикнул он. — Снимайте вратаря!

Петрович посмотрел в сторону тренера, будто услышал вопрос даже сквозь шум. Климов покачал головой. Команда оставалась в своём составе, старалась завладеть шайбой и вывести её из зоны без паники. Времени не хватило. Четвёртую шайбу «Сокол» забросил после того, как потерявший равновесие защитник «Маяка» отдал шайбу прямо сопернику перед воротами. Петрович успел сместиться, но бросок пришёлся в дальний угол. Матч закончился 2:4.

— Могли сравнять, — сказал Серёжа у выхода.

— Могли, — согласился Артём.

— Почему вратаря не сняли?

— Потому что у нас до этого тридцать секунд не получалось вывести шайбу из своей зоны. Шестой полевой не поможет, если пятеро не знают, куда двигаться.

Петрович вышел из раздевалки и услышал конец разговора.

— Иногда снимешь вратаря — и сразу легче, — сказал он.

— Почему? — спросил Серёжа.

— Потому что винить потом некого.

Петрович улыбнулся и пошёл к выходу. Серёжа хотел сказать ему вслед ещё что-нибудь о тактике, но Артём уже стоял у двери и помогал Мише подобрать рассыпавшуюся экипировку. Даже проиграв, хоккеисты продолжали спорить — теперь о том, кто кому должен чай за последний гол.

В воскресенье Артём открыл ноутбук и начал собирать нарезку игровых эпизодов. Первый ролик он назвал «Ошибки Миши». Посмотрел на имя файла, стёр и написал: «Выход из своей зоны». Потом убрал из подборки два момента, где Мише просто некуда было отдавать шайбу.

Первую тренировку в качестве полевого игрока Серёжа получил не по договору спонсора, а после недели уговоров. Климов согласился пустить его только на спокойную учебную часть занятия, в защитной экипировке, с обязательным предварительным инструктажем. Для матчей лиги Серёжа заявлен не был; запрет на поздние переходы никуда не делся. В тренировочной двусторонке гостям разрешалось играть, если тренер отвечал за безопасность.

Проблема началась с формы. Серёжа привёз большую коробку, купленную по списку, который составил Артём. В коробке лежало всё необходимое и одна вещь совершенно лишняя — тёмные очки.

— Зачем? — спросил Артём.

— Чтобы свет не слепил.

— На льду в шлеме?

— У меня открытый взгляд на спорт.

— Сними.

— Ладно. Они хотя бы подойдут для фотографии.

Штаны Серёжа надел задом наперёд. Это выяснилось не сразу: он считал, что хоккейная одежда всегда должна выглядеть немного неправильно. Миша заметил, когда новичок попытался закрепить подтяжки под нагрудником, а коленные чашечки оказались сзади.

— Ты так до льда дойти хочешь или здесь уже закончим? — спросил Миша.

— Я использую нестандартную компоновку.

— У тебя колено сзади. Это не компоновка, это медицинский случай.

Артём, уже одетый, присел на скамейку, чтобы не смеяться в лицо другу. Но Серёжа услышал характерный звук сдерживаемого веселья.

— Тём, прекрати. Ты сам в университетском общежитии три дня ходил с биркой на кофте.

— Бирка не мешала мне сгибать ноги.

На лёд Серёжа вышел осторожнее, чем на массовом катании. Теперь вокруг него ездили взрослые люди с клюшками, и борта казались значительно дальше. Он заранее попросил поста-

вить его «куда-нибудь в середину, чтобы не пропустить ни одной интересной ситуации». Климов назначил ему место крайнего в учебной тройке и приказал не выходить за обозначенный конусами участок.

— Ты должен открыться под передачу, — объяснил тренер. — Не стой за соперником. Смотри, где шайба.

— Понял.

Через двадцать секунд Серёжа потерял клюшку. Ещё через пятнадцать нашёл её, поднял и обнаружил, что держит не ту: чья-то была короче и с лентой другого цвета.

— Моя у тебя! — кричал Денис.

— Твоя удобнее!

— Отдай!

— Плохая реклама инвентаря!

Климов остановил упражнение и молча указал в сторону своей скамейки. Серёжа приехал туда не сразу, потому что остановился возле чужой.

На следующем повторении Артём отдал ему простую передачу. Серёжа поймал её внутренней стороной конька, торжествующе распрямился и начал искать глазами ворота. За это время Капустин без всякого труда выбил шайбу.

— Почему ты не бросил? — спросил Артём.

— Я хотел красиво.

— Сначала попробуй быстро.

— Быстро некрасиво.

— Сейчас было и медленно, и некрасиво.

В третьей попытке Серёжа отважился на рывок. Он хорошо разогнался, почувствовал настоящий ветер за визором и на мгновение решил, что всё-таки создан для хоккея. Спустя два метра обнаружил, что едет в сторону собственных ворот. Петрович поднял голову.

— Ты ко мне по делу или просто поболтать?

— Я меняю направление атаки!

— Тогда развернись. Наши ворота здесь.

Серёжа развернулся слишком резко, потерял равновесие и мягко сел на лёд. Зато шайба, отскочившая от его конька, неожиданно пришла к Артёму, а тот отправил её Денису. Денис забил в учебной двусторонке.

— Отличный пас, — сказал он, проезжая мимо сидевшего Серёжи.

— Я не пасовал!

— Вот это и понравилось.

После занятия Серёжа не смог самостоятельно развязать один шнурок. Он позвонил Артёму из раздевалки, хотя тот сидел в трёх метрах.

— Тём, вызывай спасателей.

— Что случилось?

— У меня нога арестована коньком.

— Потяни за петлю.

— Я уже двадцать минут тяну за всё, что вижу.

Петрович, переодевавшийся в углу, опустил взгляд на Серёжин конёк, разом ослабил верхний узел и вернулся к своей сумке.

— Как вы это сделали? — спросил Серёжа.

— У меня пятьдесят семь лет подготовки к сегодняшнему дню.

После тренировки друзья заехали к Серёже, и он позвонил Варе по громкой связи. Артём успел предупредить её о новом виде досуга друга, но подробности намеренно оставил на рассказ виновника.

— Ну как прошла тренировка? — спросила Варя.

— Неплохо. У меня голевая передача.

— Правда?

— От конька. В положении сидя.

Варя засмеялась.

— Артём говорил, ты собирался быть нападающим.

— Я был универсальным полевым игроком. Как выяснилось, универсальность — это когда мешаешь одинаково хорошо и своим, и чужим.

— Ты хоть цел? — спросила она уже серьёзнее.

— Да. Только завтра до спальни буду добираться с остановками.

Артём посмотрел на дверь в конце короткого коридора.

— До неё семь шагов.

— Вот именно. Придётся выходить заранее.

Перед сном Серёжа посмотрел на телефон: в командный чат пришло короткое сообщение от Климова. «Сергею: завтра растяжка, завтра без льда. Остальным: не передавать ему шайбу, когда он разговаривает». Следом Денис прислал видео, где Серёжа героически пытался развернуться у своих ворот. Подпись гласила: «Трансфер года. Бесплатно».

Серёжа хотел обидеться. Потом пересмотрел ролик трижды и засмеялся над собой, не дожидаясь Артёма.

Глава 4. Полевой игрок широкого профиля

В понедельник Артём разослал команде сообщение: «В четверг перед тренировкой — разбор последних двух матчей. Желательно прийти за час». Через пять минут Капустин спросил, можно ли прийти за десять минут. Денис написал, что в четверг у него корпоратив, но он пришлёт вместо себя звукорежиссёра. Миша не ответил. Петрович поставил один знак «+» и больше в переписке не появлялся.

Серёжа увидел сообщение и позвонил Артёму.

— Ты целый час будешь объяснять людям, как они проиграли?

— Я покажу, как им выигрывать.

— Тогда начни с хороших новостей. У них от плохих уже абонемент.

Артём готовился два вечера. Получил у организаторов разрешение на записи матчей, вырезал повторяющиеся ошибки, начертил схемы. На третьем слайде диаграмма выглядела убедительно. К седьмому стало ясно, что он увлёкся подробностями, но удалять было жалко.

В четверг в методический кабинет пришли девять человек. Ещё трое задерживались на работе, один вёз ребёнка к стоматологу. Артём подключил проектор и начал с анализа владения шайбой. Через двадцать минут Петрович спросил, можно ли открыть окно. Через сорок Денис обнаружил, что в соседней комнате выдают чай. Через час Капустин поднял руку.

— У меня вопрос.

— Конечно, — обрадовался Артём.

— А шайба у нас будет?

— В смысле?

— Ты показываешь, куда мы должны ехать. Мы туда приедем, а шайба где?

— Я как раз перехожу к моментам перехода владения.

— Да я вижу, что переходишь. Я уже три раза в этих переходах потерялся.

Денис расхохотался. Артём раздражённо выключил лазерную указку. Он два вечера готовил разбор, а в итоге устроил взрослым людям после работы почти школьный экзамен.

Серёжа, сидевший сзади, подал голос:

— Тём, а можно посмотреть, как Денис забил в прошлом матче?

— Мы ещё не закончили с ошибками.

— Вот и закончим пока. Люди гол забили, надо отметить.

Артём переключил запись. На экране Денис получил пас у дальней штанги и бросил в касание. Он сам выпрямился на стуле, будто собирался выйти за наградой.

— Красиво, — сказал Саша Громов.

— Хороший пас, — добавил Петрович.

Денис повернулся к Артёму.

— Слушай, а можно ещё раз?

Артём включил момент повторно. Затем ещё раз. Сначала игроки смеялись, потом начали обсуждать, почему передача вообще получилась. Миша показал пальцем на экран: при удачном выходе защитник не задерживал шайбу, а коротко отдавал партнёру. Капустин не стал с ним спорить. Климов подошёл к доске и нарисовал три стрелки.

— Вот так и будем, — сказал тренер. — Первую передачу — быстро. Второй игрок открывается к борту. Третий не убегает раньше времени. На этом всё.

— Это упрощение, — начал Артём.

— Разумеется, — согласился Климов. — Для того и тренировка. Нельзя одновременно учиться десяти вещам, когда четыре ещё не умеешь.

В кабинет заглянул администратор арены и предупредил, что через семь минут нужно освободить помещение. Артём посмотрел на оставшиеся двадцать три слайда. Он очень хотел сказать, что впереди самое важное. Вместо этого выключил проектор.

На льду тройки отрабатывали одну последовательность. Отдать, открыться, принять. Упражнение не стало волшебством. Дважды шайба застревала у борта, Денис снова убегал раньше передачи, Артём один раз не успел остановиться. Но на восьмом повторении всё получилось. Петрович, наблюдавший из ворот, коротко постучал клюшкой по льду.

После тренировки он подошёл к Артёму.

— Не выбрасывай свои таблицы.

— А зачем они, если никто не хочет смотреть?

— Смотреть хотят. Только не весь телефонный справочник за один вечер. Ты мне одно скажи: где лучше ждать бросок от их девятого номера?

Артём мгновенно оживился.

— У него семь из девяти бросков с правого круга, и чаще всего он целит ближе к штанге.

— Вот. Это я запомню. Остальное потом.

Петрович поднял сумку. Не похвалил Артёма, зато забрал лист с упражнением. За месяц совместных тренировок это был их самый содержательный разговор.

Дома Артём позвонил Варе. Она была после смены, уставшая, но не спешила класть трубку.

— Я два дня делал презентацию, — сказал он. — А они запомнили три стрелки на доске.

— И что тебя расстроило?

— Что презентация хорошая.

— Может, и хорошая. Просто ты хотел, чтобы все сразу стали тобой.

Артём помолчал. Варя за январь и последующие месяцы научилась удивительно точно замечать то, что он предпочитал не формулировать.

— Звучит неприятно, — признался он.

— Зато недолго. В следующий раз начни с вопроса, что им надо.

Когда они попрощались, Артём открыл файл с презентацией. Удалять не стал. Создал рядом новую папку с названием «По одному упражнению». Внутри был единственный документ: «Отдал — открылся». На этот раз он уснул до полуночи.

На следующем занятии Артём появился с небольшой спортивной сумкой, секундомером и тремя оранжевыми конусами. После истории с сорока слайдами он поклялся больше не заставлять людей смотреть презентации. Вместо этого решил провести короткий тест физи-

ческой подготовки — по желанию, без оценок и без вывешивания результатов в раздевалке. Климов выслушал план и разрешил пятнадцать минут перед обычной тренировкой.

— Только никакой армии, Миронов, — предупредил тренер. — Кто после смены, кто с больной спиной. Не заставляй никого доказывать, что он здоровее соседа.

— Исключительно базовые упражнения, — заверил Артём. — Быстрый проход между конусами, несколько приседаний в комфортном темпе и проверка равновесия. По самочувствию. Я даже таблицу никому не покажу.

— А зачем она тебе тогда?

Артём не сразу нашёл ответ. Серёжа, заглянувший в раздевалку, ответил за него:

— Он её любит. Некоторые люди заводят кошек. Артём заводит таблицы.

На первом испытании требовалось пробежать между тремя конусами, обогнуть последний и вернуться к стартовой линии. Артём показал маршрут медленно, один раз без секундомера. Серёжа стоял впереди всех в спортивном костюме с такими яркими полосами, что Денис спросил, не требуется ли для участия разрешение дорожной полиции.

— Внимание: бежим не на скорость любой ценой, — сказал Артём. — Главное — точно пройти маршрут. Старт по моему сигналу.

— Понял, — сказал Серёжа и побежал.

— Я ещё не дал сигнал!

Серёжа уже обогнул первый конус. Второй он попытался перескочить, хотя его просили обежать. Конус упал. Третий он предусмотрительно поднял с пола и понёс к финишу в руках.

— Зачем ты его забрал? — спросил Артём, когда друг наконец остановился.

— Чтобы не мешал следующему участнику. Я оптимизировал трассу.

— Ты должен был обежать его и оставить на месте.

— Так бы он продолжал мешать.

Артём посмотрел на секундомер. Тот всё ещё показывал ноль: нажать кнопку он не успел.

— У тебя нет результата.

— Зато есть полезное замечание по организации процесса, — сказал Серёжа и поставил конус на скамейку.

Денис немедленно предложил считать такой проход рекордом. По его мнению, человек, который за девять секунд ликвидировал треть препятствий, заслуживал как минимум грамоты. Капустин велел вернуть конус и не мешать остальным. Сам он прошёл маршрут так уверенно, что на последнем повороте зацепился штаниной за собственный карман и закончил упражнение с видом человека, который намеренно проверял прочность формы.

Миша двигался экономно. После финиша он спросил, можно ли теперь уже переодеваться для хоккея. Кирилл аккуратно прошёл маршрут, но при виде секундомера занервничал и дважды уточнил, не плохо ли получилось. Петрович от участия отказался: кисть после прошлого занятия ещё ныла. Зато сел на скамейку с термосом и взял на себя должность независимого судьи.

— У Миронова, — объявил он, — очень сложный способ выяснить, кто сегодня пришёл вовремя.

Самым быстрым оказался Саша Громов. Он пробежал без рывков, словно опаздывал не к конусу, а к пациенту. Затем спокойно сделал все предложенные приседания и дольше остальных простоял на одной ноге. Даже Денис, приготовивший шутку про медаль, на секунду замолчал.

— Ты в зал ходишь? — спросил Артём.

— Нет.

— Бегаешь по утрам?

— По утрам я обычно хочу спать.

— Тогда откуда такая подготовка?

— Я в больнице работаю, Тём. Если каталка застряла в дверях, некогда строить диаграмму. Ещё на пятый этаж иногда лифт не работает.

Саша говорил без хвастовства и выглядел слегка удивлённым тем, что его результат всех заинтересовал. За пределами хоккея он не занимался никаким спортом. Зато после двенадцатичасовых смен отлично знал, сколько сил нужно, чтобы просто продолжать двигаться.

— Вот, — сказал Серёжа, — поэтому я и не люблю больницы. У них скрытая система подготовки чемпионов.

На проверке равновесия Серёжа решил взять реванш. Он встал на одну ногу, уверенно развёл руки и сообщил, что у него прекрасный вестибулярный аппарат. Через две секунды начал крутиться на месте.

— Ты можешь поставить вторую ногу, — сказал Артём.

— Не мешай, я ищу центр тяжести.

— Он у тебя сейчас направляется к шкафу.

Климов успел подхватить падающего Серёжу за рукав. Шкаф уцелел. Денис захлопал и объявил, что испытание на устойчивость мебели завершено успешно.

Когда тест закончился, Артём достал блокнот, но не стал зачитывать результаты. Написал на первой странице: «Саша — отличный темп. Серёжа — слушать инструкцию до конца». Серёжа заглянул через плечо.

— Это дискриминация творческих людей. Я, между прочим, первым добежал до конуса.

— Ты до него добежал до начала теста.

— Потому что был мотивирован.

Петрович закрыл термос.

— Миронов, полезное занятие. Только в следующий раз проверяй не кто быстрее бегает, а кто быстрее возвращает конусы на место. У тебя помощник есть.

Он кивнул на Серёжу. Тот стоял с оранжевым конусом под мышкой, словно собирался унести трофей домой.

— Я уже разрабатываю программу улучшений, — сообщил Серёжа.

— Начни с возврата имущества, — сказал Артём. — И не трогай секундомер. Он после тебя ещё ни разу не работал.

Через неделю Серёжа добился права участвовать в тренировочной игре с ограниченными сменами. Он объяснил, что хочет лучше понять спортсменов, прежде чем вести переговоры о помощи. Сам он всё ещё помнил ту единственную передачу, которую не собирался делать.

В раздевалке Климов предупредил:

— Две короткие смены за период. Не толкай никого в спину. Не бросай, когда перед тобой люди без защиты. И не мешай нашему вратарю.

— Это последнее правило для всех? — спросил Серёжа.

— В первую очередь для тебя.

Первую смену Серёжа провёл почти образцово: держался на ногах и не получал шайбу. Именно в этом и заключалась проблема. Он старался всё время быть открытым, а потому оказывался то за спиной у соперника, то рядом с товарищем, которому не нужно было соседство.

— Серый, правый край! — крикнул Артём.

— Я правый!

— Ты у нашей скамейки!

— Правее уже нельзя!

Во второй смене случилось то, чего Артём боялся больше всего: Серёжа действительно получил шайбу и почувствовал уверенность. Она была совершенно необоснованной, зато очень заметной. Серёжа поехал вперёд, увидел двух соперников и решил пройти между ними, как в коротком ролике, который смотрел утром.

— Не туда! — крикнул Капустин.

Серёжа уже нёсся в узкий коридор. Соперники даже не успели его остановить: он сам задел шайбой один конёк, вторым — собственную клюшку и начал падать. В последний момент попытался ухватиться за борт, но схватился за рукав Артёма, который ехал рядом и ни в чём не был виноват. Упали оба.

— Тём! — сказал Серёжа, лёжа на спине. — У нас двойное удаление?

— У нас семейная катастрофа.

— Я почти прошёл.

— Ты почти прошёл меня. Я твой партнёр.

Сверху появился Петрович. Он подтянул маску к подбородку и посмотрел на двух мужчин, лежащих возле синей линии.

— Вы там закончили совещание? Или мне ещё ворота к вам подвинуть?

Серёжа прикинул: вратарю не нужно носиться за шайбой через всю площадку. Звучало подозрительно удобно. Петрович будто прочитал его мысли.

— Не завидуй, — сказал он. — Я вас всех вижу. Это тяжёлое зрелище.

После игры Климов показал Серёже короткую запись его смен. Не для насмешки — чтобы объяснить, куда тот постоянно смещается. Серёжа посмотрел на собственные смены без комментариев Дениса. В неподвижной картинке он выглядел уверенным. Но когда запись включили, за двадцать секунд выяснилось, что он четыре раза менял решение и ни разу не предупредил об этом товарищей.

— Так я же импровизировал, — сказал Серёжа.

— Импровизация хороша, когда остальные знают, под какую музыку играют, — ответил Климов. — Ты сейчас исполняешь соло посреди чужой репетиции.

Артём ждал за дверью, держа две бутылки воды. Серёжа вышел из методического кабинета подозрительно тихим.

— Всё? — спросил друг.

— Мне отказали в творческой свободе.

— Удивительно, что только сейчас.

— Тём, я понял одну вещь: полевым в вашей команде быть гораздо сложнее, чем просто ходить на работу.

— Ты впервые говоришь это без сарказма.

— Не привыкай. Это временно.

На улице они остановились возле машины Артёма. Серёжа вертел в пальцах ключи от своей квартиры и вдруг сказал:

— Слушай, а если на льду я всем мешаю, почему вы вообще меня пускаете?

Артём посмотрел на него.

— Потому что ты попросил попробовать. И потому что ты приходишь снова после каждого падения. Никто не обязан быть хорошим с первого раза.

— Так ты в прошлый раз говорил, что я худший в вашей пятёрке.

— Ты и был.

— Удивительная поддержка.

— Но вернулся. Это тоже что-то значит.

Они поехали к Серёжиной многоэтажке. Спустя десять минут Серёжа достал телефон и написал Денису, чтобы тот сохранил все видео его неудач. Артём поинтересовался зачем.

— Когда-нибудь я научусь, — ответил Серёжа. — Будет с чем сравнить.

Шестой матч был против «Рубежа»: одинаковая форма, аккуратная разминка и двое игроков со спортивными блогами. «Маяк» собрался по-своему — половина заранее, Денис за пять минут до выхода: на вчерашней свадьбе гости потребовали ещё один конкурс.

— В следующий раз объяви конкурс «Кто быстрее отпустит ведущего», — предложил Капустин.

— Уже объявлял. Они проиграли.

Артём принёс небольшие карточки с одним заданием для каждой тройки. Климов разрешил их раздать при условии, что там не больше двух строк. На карточке Артёма было написано: «После передачи продолжай движение. Не останавливайся смотреть». Он положил её в карман куртки и прочитал ещё дважды.

«Рубеж» сразу прижал «Маяк» к воротам. Петрович дважды выручил, а Серёжа на трибуне вскакивал всякий раз, когда шайба проходила центр.

Первые удачные действия случились незаметно. Миша, зажатый у борта, получил короткую передачу от Артёма. Рядом открылся Капустин. Миша дёрнул клюшку, будто собирался снова повезти шайбу самостоятельно, но всё-таки отдал. Капустин не успел поблагодарить; сразу развернулся и перевёл её Денису. Тот бросил мимо ворот.

— Хорошо! — закричал Климов.

— Он же промахнулся! — удивился Серёжа.

— Зато до броска дошли, — ответила Зоя Павловна, оставившая тетрадь расходов в машине.

В следующей смене Денис дождался Саши, тот щёлкнул по неудобной передаче и попал в штангу.

На скамейке «Маяка» все одновременно выдохнули. Капустин начал что-то кричать Мише, но тот отвернулся раньше, чем можно было разобрать слова.

Первым забил «Рубеж». За пять минут до конца второго периода соперники подловили «Маяк» на смене, и Петрович не сумел отразить бросок из-под защитника. На табло загорелось 0:1. Серёжа сел и перестал объяснять трибуне, куда надо было отдавать пас.

— Вижу, тяжело, — сказала Зоя Павловна.

— Нет. Просто они хорошо играют.

— Наши?

— Наши. Именно поэтому тяжело.

Перед третьим периодом Климов напомнил: если продолжат играть так же, шанс будет. Петрович кивнул и вернулся в ворота. Артём сидел на скамейке, злился на собственную осторожность и ждал смены. На льду нельзя было сперва просчитать каждый отскок, а потом решить, куда ехать.

На шестой минуте третьего периода Капустин отдал Артёму. Тот впервые не стал просчитывать защитников, а послал шайбу вперёд Денису. Денис обошёл ворота и выложил пас Саше, который подставил клюшку.

Шайба задела щиток вратаря и перекатилась за линию.

«Маяк» забил.

Артёма от удара по спине едва не свалил Денис. Саша стоял перед воротами и смеялся, не зная, куда деть руки. Петрович, оставшийся на своей половине, поднял клюшку над головой. Серёжа так громко закричал «ДА!», что сидевший впереди мальчик обернулся и спросил, не сломалось ли что-нибудь.

Счёт 1:1 продержался до последних двух минут. Потом «Рубеж» получил удаление за подножку. «Маяк» вышел в большинстве, но сначала долго не мог войти в зону. Артём ждал следующей смены, когда Климов вдруг кивнул ему:

— Семнадцатый. На правый край. Делай как вчера.

— Как вчера? — не понял Артём.

— Не думай два дня.

До конца оставалось сорок семь секунд. Миша получил шайбу у синей линии, взглянул на требовавшего пас Капустина и неожиданно отдал открывшемуся справа Артёму.

Артём не стал бросать через защитника. Он вернул шайбу Мише, тот ударил низом, а Денис закрыл обзор вратарю. Шайба прошла под щитком — 2:1.

Две секунды никто не понял, что произошло. Потом за воротами загорелся красный свет.

— ДВА — ОДИН! — закричал Серёжа, хотя счёт на табло ещё не обновился.

Оставшиеся секунды «Маяк» выдержал: Петрович отбил бросок, Капустин закрыл второй. Прозвучала сирена.

Игроки «Маяка» высыпали на лёд. Неуклюже обнимались, стучали клюшками о лёд. Денис пытался обнять Петровича через огромную вратарскую защиту. Миша стоял немного в стороне. Капустин подъехал к нему и протянул руку.

— Хорошая передача, — сказал капитан.

— Ты про какую?

— Обе.

Миша посмотрел на его ладонь, пожал её и отвернулся, чтобы не показывать лица.

В раздевалке Денис включил свадебный марш, который Климов потребовал немедленно выключить. Серёжа принёс пирожки. Игроки сами встали плечом к плечу для общей фотографии.

Артём отыскал Серёжу у двери.

— Ну что? — спросил тот. — Видал?

— Видал.

— Я же говорил: пора четвёртую.

— Четвёртая за несколько сезонов, Серый. Не за один.

— Мелочи. Историческая статистика всё равно растёт.

Артём достал телефон. Варя уже прислала сообщение: «Вы выиграли? У меня весь чат с твоими голосовыми восклицательными знаками». Он хотел ответить подробно, рассказать о передаче Миши и броске Саши. Вместо этого написал: «Да. И я, кажется, начинаю понимать, зачем они здесь».

Возле автобуса «Рубежа» стоял Петрович, облокотившись о холодные перила. Хотя матч закончился уже некоторое время назад, вратарь всё ещё тяжело переводил дыхание. Серёжа подошёл поздравить его и заметил:

— Петрович, вы чего так выдохлись? Вы же сегодня половину бросков даже не двигаясь поймали.

— А ты попробуй годами каждый перерыв бегать в курилку, — невесело усмехнулся вратарь. — Я себе курением выносливость испортил. На льду терплю, а после игры лестница как дополнительный период.

— То есть курилка не считается кардиотренировкой? — уточнил Серёжа.

— Не считается. И тебе проверять не советую.

Петрович помолчал, поправил ремень сумки и первым спросил:

— Сколько денег на лёд осталось?

— На первые шестнадцать тренировок хватит. Дальше будут обычные взносы. И двенадцать тысяч в резерве оставили.

— Вот и хорошо, — сказал Петрович. — А то мы тут на радостях ещё тренировки попросим.

Серёжа хотел пошутить, но Петрович вдруг добавил:

— Только не разгоняйте всех. Они сегодня сами захотят прийти в следующий раз. Это дороже, чем аренда.

Петрович кивнул и пошёл к своей машине. Серёжа открыл заметки с расходами, набрал «стоимость следующего льда» и несколько секунд смотрел на слова. Потом стёр. Сейчас речь была не про аренду.

На следующей тренировке Петрович опоздал. У него сломалась машина, а от его дома до арены ходил автобус раз в сорок минут. Приглашённый запасной голкипер отказался при-

езжать: на соседнем катке ему предложили те же две тысячи и место в расписании пораньше. Климов посмотрел на пустые ворота так, будто они ему лично испортили вечер.

Игроки пытались отрабатывать броски по мишеням. Денис быстро обнаружил, что попасть в пустые ворота легче только в теории. Миша пожаловался, что никто не возвращает отскоки. Капустин предложил перенести занятие, но Зоя Павловна напомнила, что час аренды оплачивается независимо от качества обстоятельств.

— За пятнадцать тысяч мы можем хотя бы полежать на льду, — заметил Серёжа.

— Ты уже пробовал, — сказал Артём.

Петрович приехал через двадцать пять минут, запыхавшийся, с тяжёлой сумкой на плече. Остальные встретили его так шумно, что Серёжа даже подумал, будто команда получила нового титульного спонсора. Петрович попросил дать ему время переодеться и лишь потом потребовал свою обычную выплату.

— И вам две тысячи за тренировку? — спросил Серёжа.

— А что? — Петрович внимательно на него посмотрел. — Ты был здесь все двадцать пять минут. Сильно без меня удобнее?

— Нет, без вас ужасно. Я просто выясняю рынок.

— Выясняй. Только на льду не торгуйся.

После занятия Артём раскрыл на телефоне ведомость Зои Павловны и позвал Серёжу к автомату с кофе.

— Помнишь, я обещал тебе посчитать вратарей?

— Уже боюсь.

— На те же взносы, которые игроки платят из зарплат, приходится оплачивать человека в воротах. На каждое посещение — две тысячи. Не имеет значения, поймает он тридцать бросков или один. Плюс дорога, если попросим приезжего. Когда Петрович не может, привозят Кирилла или кого найдут. И два раза мы уже чуть не остались без тренировки.

— Я понял. Ты хочешь поднять взносы.

— Нет. Ты хочешь экономить командные деньги. Я предлагаю тебе стать вратарём.

Серёжа не ответил. В этот момент автомат выплюнул стаканчик мимо держателя, и кофе пролился в металлический лоток. Оба посмотрели на результат.

— Вот примерно так, — сказал Серёжа. — Только вместо кофе мне в лицо прилетит шайба.

— Сначала ты попробуешь на учебных упражнениях. В защитной форме и под контролем. Если не подойдёт — остановимся.

— Ты хочешь, чтобы я стоял один против людей, которые умеют разгонять кусок резины со скоростью обиды моей бывшей бухгалтерии?

— У тебя хорошая реакция.

— Когда убирают тарелку с едой — да.

— И тебе не надо всё время гоняться за шайбой по всей площадке.

Серёжа прищурился.

— Вот с этого места подробнее.

Артём объяснил: вратарь не бегает по всему льду, зато следит за шайбой без передышки, опускается на колени, поднимается, смещается у штанг и выдерживает серии бросков. Серёжа услышал прежде всего первое предложение.

— Значит, моя мечта о малоподвижной работе осуществима.

— Серый, это не малоподвижная работа. Это мучительная работа на маленьком участке.

— Зато логистика проще.

— Ты пробовал присесть в хоккейных щитках?

— Я ещё их не покупал.

— Вот и правильно. Не покупай до примерки.

Петрович вышел из раздевалки и застал друзей у автомата, возле которого уже собралась маленькая лужа.

— Чего шепчетесь?

— Артём предложил мне стать голкипером, — сообщил Серёжа.

Петрович посмотрел сначала на одного, потом на другого. После паузы сказал:

— Миронов, ты его ненавидишь?

— Нет.

— Тогда зачем?

Артём рассказал про деньги и отсутствие людей на воротах. Петрович задумался и кивнул.

— Слушай, идея не совсем дурная. Хороший вратарь нам бы пригодился.

— Я готов! — сказал Серёжа.

— Я не про тебя, — уточнил Петрович. — Но начинать с кого-то надо.

Глава 5. Две тысячи за ворота

В понедельник местный спортивный паблик опубликовал фотографию счастливого «Маяка» и короткую заметку: «Команда-аутсайдер одержала первую победу в сезоне после прихода нового спонсора». Автором заметки оказался тот самый подросток, который раньше сидел на трибуне в наушниках. Он снимал матчи на телефон для школьного проекта и, к удивлению всех, умел писать без восклицательных знаков.

Серёжа репостнул новость с подписью: «Работаем. Плей-офф ждёт». Через два часа ему начали писать люди, которые раньше не знали о существовании любительского хоккея. Одни спрашивали, где купить шарф с эмблемой «Маяка». Другие предлагали рекламировать автомойку на шлемах игроков. Третий хотел арендовать команду для корпоративного турнира и просил уточнить, умеет ли вратарь стоять в воротах два часа без перерыва.

— Почему именно вратарь? — удивился Серёжа.

— Остальные хотя бы могут уйти, — объяснил Артём.

Вторничным вечером на тренировку пришли двадцать два зрителя, включая девочку с самодельным плакатом «ПАПА, ДАЙ ПАС». Её отец, Миша Анохин, увидел надпись ещё до выхода на лёд и подозрительно огляделся.

— Это кто придумал?

— Я, — сказала его дочь через ограждение.

— Мама знает?

— Она помогала красить буквы.

Миша растерялся так, что даже перестал поправлять шнуровку. Валера Капустин подъехал к борту и прочитал плакат вслух. Обычно этого хватило бы для недельной перепалки, но капитан только ухмыльнулся:

— Общественный запрос, Миш. Придётся выполнять.

Тренировка прошла веселее обычного. В перерыве Денис познакомился с девочкой и пообещал научить её громко поддерживать отца. Через пять минут тренер попросил обоих снизить громкость. Серёжа был счастлив. Он увидел, как люди начинают приходить на «Маяк» не из жалости, а потому что им интересно.

Однако у этой новости обнаружилась неприятная сторона. В среду один из спортивных каналов перепечатал заметку с новым заголовком: «Бизнесмен выкупил худшую хоккейную команду города». В тексте говорилось, что Серёжа Усманов намерен «провести тотальную модернизацию состава» и «вывести клуб в лидеры». Кто это сообщил, было неизвестно. Скорее всего, никто: редактор просто решил, что так статья звучит убедительнее.

К обеду Капустин позвонил Артёму.

— Вы нас продали?

— Что?

— Тут пишут, что нас выкупили. Мне жена прислала. А я даже не знаю, сколько стою.

— Никто никого не выкупал. Серёжа оплатил аренду. У вас по-прежнему любительская команда, которую вы сами организовали.

— А кто будет объяснять это мужикам?

Вечером объясняли всем вместе. Серёжа показал договор и признал, что его репост с громкой подписью мог создать ложное впечатление. Зоя Павловна выписала на доске две строки: «ОПЛАТА ЛЬДА — ДА» и «ПРАВО КОМАНДОВАТЬ — НЕТ».

— Вторую подпиши крупнее, — попросил Капустин.

— Могу на обратной стороне вашего любимого плаката, — предложил Серёжа.

Разговор разрядился, но не закончился. Саша Громов спросил, не собираются ли теперь требовать дополнительные тренировки. У него были смены. Денис предупредил, что в ближайшие две субботы работает на свадьбах. Один защитник сказал, что супруге не понравилось слово «плей-офф»: она представила командировки и пропущенные выходные.

Серёжа обиделся.

— Ребят, мы же выиграли! Это разве не повод попробовать серьёзнее?

— Серьёзнее — можно, — сказал Саша. — Только не путай серьёзно и круглосуточно.

— Я предлагаю помочь вам победить.

— А я предлагаю не потерять работу, пока вы нам помогаете, — ответил Саша без раздражения.

Петрович слушал молча. Потом попросил дать слово ему.

— Тридцать лет назад я играл в заводской команде, — сказал он. — У нас были одинаковые куртки, поездки на автобусе и человек, который отвечал за результаты. Когда завод сократил секцию, половина ребят больше ни разу не вышла на лёд. Потому что всё держалось на одном человеке. Я не хочу, чтобы здесь было так же. Всё.

Слова оказались весомее любой презентации. Серёжа посмотрел на Зою Павловну, на усталого Сашу, на Мишу, который держал в руках дочкин плакат. Обещание плей-офф он произнёс при всех. А вот спросить, сколько времени каждый готов на это потратить, не догадался.

Артём предложил простое решение: оставить два прежних тренировочных дня, ввести необязательную короткую встречу для тех, кто сам хочет разбирать видео, и заранее согласовывать любую публичную информацию с капитаном и Зоей Павловной. Серёжа пообещал исправить публикацию. Автор паблика заменил заголовок на точный уже тем же вечером.

Когда они вышли с арены, у входа стояла Мишина дочь. Она держала плакат обеими руками, хотя краска уже высохла.

— Дядя Серёжа, — спросила она, — а мой папа правда плохо играет?

Серёжа присел перед ней.

— Твой папа сегодня отдал три передачи. А ещё он очень старается.

— Тогда почему он всегда злой, когда приходит?

На этот вопрос Серёжа не знал ответа. Девочка вздохнула, отступила к матери и подняла плакат повыше. Из дверей вышел Миша, заметил их и улыбнулся, увидев плакат.

Мишину младшую дочь звали Лиза. Прежде чем уйти, она заметила на экране Серёжиного телефона фотографию рыжего пса, который лежал поперёк дивана и делал вид, что диван принадлежит ему по документам.

— Это ваш? — спросила Лиза.

— Наш с Артёмом. Кабрик. Нашли его зимой, когда немного не туда приехали.

— А он умеет приносить палочку?

— Умеет уносить носки. С возвратом пока сложно.

Лиза немедленно захотела познакомиться. Серёжа уже открыл рот, чтобы пригласить её хоть завтра, но заметил, как мать девочки подняла брови, и успел вовремя остановиться: предложил сперва спросить у родителей, удобно ли им будет встретиться в выходной на обычной

прогулке. Миша вышел как раз на словах «без обязательств» и подозрительно посмотрел на Серёжу.

— Если он тебе предлагает инвестиции, отказывайся, — сказал Миша жене.

— Он предлагает собаку погладить, — ответила она.

— Это уже похоже на начало инвестиций, — заметил Артём.

Артём тихо толкнул друга локтем.

— Ну вот. Уже лучше, чем пресс-конференция.

— Тём, — сказал Серёжа, — как думаешь, если я сделаю детям небольшие шарфы с эмблемой, это будет вмешательство в руководство?

— Сначала спроси разрешения.

— У кого?

— У ребёнка. Ему же носить.

За день до седьмого матча Климов получил три сообщения. Денис сообщал, что ведёт свадьбу и не успевает к началу. Саша Громов выходил на дополнительное дежурство: его попросили подменить заболевшего коллегу. Миша Анохин обещал прийти ко второму периоду, если успеет с концерта дочери, на который купили билеты ещё весной.

— Это какой-то заговор, — сказал Серёжа, увидев список.

— Это суббота, — ответила Зоя Павловна. — У людей другие дела бывают.

— Но мы же только начали выигрывать!

— Как раз поэтому они теперь меньше стесняются предупреждать, что не смогут.

Серёжа не был готов к такому объяснению. Ему казалось, что после первой победы всё должно работать по привычным законам: появляется цель, появляется мотивация, усиливается дисциплина. В бизнесе он научился составлять графики так, чтобы один отсутствующий сотрудник не останавливал проект. Но в хоккее нельзя было просто выдать смену двум другим людям и закрыть вопрос: здесь выходили на лёд живые игроки со своими ногами, усталостью и страхом получить шайбу в лицо.

«Маяк» приехал на игру против «Старого города» неполным, но с достаточным для матча числом игроков. Артём оказался в одной тройке с двумя людьми, с которыми почти не тренировался. Капустин, всегда ругавшийся с Климовым, теперь без лишних слов помогал перестраивать сочетания. Петрович проверил коньки и спокойно сказал:

— Будет тяжело. Давайте хотя бы без глупостей.

Первые десять минут удалось держаться. Артём однажды пробрался к воротам соперника и получил шайбу прямо перед вратарём. Бросок вышел слабым. Вратарь поймал его, будто получил яблоко от знакомого. Артём разозлился на себя и стал играть резче. Он помнил схемы, но не успевал замечать партнёров.

На пятнадцатой минуте Капустин закричал:

— Семнадцатый, назад!

Артём услышал предупреждение, но решил, что успеет первым. Он рванул вперёд. Соперник коротким пасом обошёл его и вышел на бросок. Петрович отбил первый, но на добивании оказался бессилен.

— Мой, — сказал Артём, подъехав к скамейке.

— Наш, — поправил Климов. — Дальше играй.

Со второго периода «Маяк» начал уставать. Счёт вырос до 0:3, и Серёжа, сидевший на трибуне, почувствовал, как разочарование постепенно превращается в несправедливую злость. Ему хотелось позвонить Денису и спросить, действительно ли чужая свадьба важнее команды. Попросить Сашу выйти хотя бы на полчаса. Написать Мише, что концерт наверняка не пропадёт, если уйти раньше.

Вместо этого он достал телефон и увидел присланное Мишей короткое видео. Девочка в синем платье играла на скрипке под аккомпанемент преподавателя. Камера дрожала. В конце

записи Миша негромко сказал: «Молодец, звезда». Его голос был совсем не похож на тот, которым он спорил о передачах.

Серёжа пересмотрел видео ещё раз. Потом убрал телефон.

За восемь минут до конца «Маяк» получил большинство. Климов поставил Артёма на вбрасывание, хотя тот предпочёл бы сейчас любой угол скамейки. «Маяк» выиграл шайбу, Капустин бросил, и защитник соперника неудачно подставил конёк. Счёт стал 1:3. Больше голов не было.

В раздевалке никто не устраивал скандала. Капустин сидел с полотенцем на голове. Артём долго возился со шнурками, пока не заметил, что рядом стоит Петрович.

— Ты чего забрался туда при первом голе? — спросил вратарь.

— Думал перехватить.

— А если не перехватишь?

— Не подумал.

— Вот с этого и начни свою следующую таблицу.

Говорил он спокойно, и Артёму стало стыдно сильнее, чем если бы вратарь на него накричал.

У выхода ждала Зоя Павловна с пакетами чистой формы, которую забирала для общей стирки. Рядом стоял Серёжа и смотрел на друзей. Раньше после провала он сразу начинал предлагать решения: тренировки, покупки, организационные перемены. Сейчас не придумал ничего умного и спросил только:

— Поесть хотите?

— Очень, — сказал Артём.

Они поехали в небольшую столовую возле агентства, которая работала допоздна. Серёжа заказал две порции пельменей, потом вспомнил, что Артём когда-то уверял, будто после хоккея есть нельзя, и спросил, не нарушают ли они режим.

— Вряд ли у нас есть режим, — сказал Артём.

— Значит, надо установить.

Артём поднял на него глаза. Серёжа вовремя добавил:

— Для пельменей. По субботам.

Они поели почти молча. Перед расставанием Артём показал другу фотографию Мишиной дочери с концерта. Серёжа узнал синее платье, улыбнулся и попросил прислать снимок. На следующий день он купил два билета на следующий школьный концерт. Потом остановился и написал Мише, можно ли вообще туда прийти. Тот ответил: «Можно. Только не кричи „ДАЙ ПАС“».

Понедельничный разбор проигранного матча начался с того, что Капустин потребовал убрать со стены новую таблицу. На ней Артём нарисовал количество удачных выходов из зоны и процент передач между защитниками.

— Убери, — повторил Валера.

— Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ребята заходили в раздевалку и первым делом видели, кто вчера хуже всех.

— Здесь нет фамилий.

— Я и без фамилий знаю, кто стоял в какой паре.

Артём медленно снял лист. Он даже не предполагал, что собственная аккуратность может выглядеть как публичное обвинение.

— Я хотел понять причины.

— А я хочу, чтобы люди пришли на тренировку, — ответил Капустин. — Это тоже причина.

Климов не вмешался. Он убрал в шкаф тренировочные конусы и вышел на лёд, оставив игроков решать вопрос самим. Серёжа наблюдал из коридора. Обычно Валера раздражал его самоуверенностью, но сейчас капитан выглядел не злым, а испуганным.

В раздевалке разгорелся спор. Саша считал, что цифры нужны, если ими пользоваться осторожно. Денис предложил повесить ещё одну таблицу — «Количество хорошего настроения после игры». Миша сказал, что таблицы можно оставлять у Артёма в компьютере, если они никого не делают виноватым. Капустин потребовал голосовать, но никто не захотел голосовать по поводу бумаги.

После тренировки Серёжа нашёл его в коридоре возле автомата с водой.

— Валера, я не понял. Тебе что, противно, когда команда начинает играть лучше?

Капустин повернулся резко.

— Я такого не говорил.

— Вы выиграли — ты недоволен, что о вас пишут. Проиграли — недоволен статистикой. Может, ты просто не хочешь, чтобы кто-то менял то, что тебе привычно?

— А ты хочешь? — спросил Капустин. — Ты пришёл месяц назад, заплатил за лёд и уже знаешь, как правильно. А я этот «Маяк» по гаражам собирал. Когда арена отдавала нам только ночное время, я сам развозил мужиков после тренировки. Когда Денису руку сломали, я с ним на рентген ездил. Когда у Саши родился сын, мы всей командой меняли ему ночные смены. У нас тут не только табло, понял?

Серёжа не успел ответить. Капустин поставил стаканчик в урну и ушёл.

В машине Артём выслушал рассказ друга и долго смотрел в лобовое стекло.

— Он не обязан соглашаться с каждой нашей идеей, — сказал наконец Артём.

— Но он же сам хочет выигрывать.

— Хочет. Просто боится, что если мы сделаем всё «правильно», ему в собственной команде не останется места.

— Ты как понял?

— По тому, как он смотрит на таблицы. Он не спрашивает, чему научиться. Он спрашивает, кого теперь будут считать лишним.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.